

**Поэтика «сильвичности» и образ автора
в «Дневнике, писавшемся ночью»
Густава Герлинга-Грудзинского**

Мальцев Леонид Алексеевич

Доктор филологических наук, профессор

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

236041, ул. Александра Невского, д. 14, Калининград,

Российская Федерация

E-mail: LMaltsev@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-9137-0004

Рецензия поступила в редакцию 19.01.2026.

Рецензирование завершено 15.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Цитирование

Мальцев Л. А. Поэтика «сильвичности» и образ автора в «Дневнике, писавшемся ночью» Густава Герлинга-Грудзинского // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 363–374. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.20

Аннотация

Анализируются особенности структуры «Дневника, писавшегося ночью» Густава Герлинга-Грудзинского, «стержнем» которой является противоречивый образ автора. Своеобразие устройства анализируемого текста обосновывается при помощи теории *silva rerum*, разработанной Мартой Скварчиньской и Рышардом Нычем. Констатируется, что поэтика «сильвичности» «Дневника...» тесно связана с его фрагментарной природой, которая проявляется не только в размытости границ текста, но и в метатекстуальности. Осмысливая историю дневникового жанра, Герлинг-Грудзинский ищет ответа на вопрос, в чем сущность его дневника, и выведенная им интегральная формула («портрет эпохи» с «миниатюрным автопортретом автора и хрониста») не исчерпывает «сильвическое» разнообразие «Дневника, писавшегося ночью». Утверждается, что по отношению к исследуемому произведению роль предтекста выполняет «Дневник 1957–1958», в котором проявляется генезис жанрового мышления Герлинга-Грудзинского. «Дневник 1957–1958» свидетельствует об авторской неудаче в работе над романом «Чемны Став»

и о трансформации жанровой формулы дневника: вместо дневника-исповеди как творческой «лаборатории» романа – дневник-хроника в синтезе с «итальянскими» рассказами писателя.

Ключевые слова

Герлинг-Грудзинский, образ автора, «silva rerum», фрагмент, «Дневник, писавшийся ночью», «Дневник 1957–1958».

Структура «Дневника, писавшегося ночью» (1971–2000) Густава Герлинга-Грудзинского уже мной рассматривалась в диссертационном исследовании 2001 г., посвященном жанровому триединству: документально-автобиографическая книга «Иной мир», жанр которой был определен как «*Bildungsroman*» (Т. 6, S. 130)¹, – рассказы – «Дневник, писавшийся ночью». В вышеупомянутой диссертации говорится, что генезис «Дневника, писавшегося ночью» обнаруживается «в форме *silva rerum*, традиционной для польской словесности, но «при внимательном чтении выявляется универсальная концепция “Дневника...”»² и даже его «центростремительная» организация.

Однако всматривание в сложнейший «организм» «Дневника...» показывает, что поиски в нем «центра» являются проблемой для читателя. Тезис о внутренней «монолитности» «одного из самых странных дневников мира»³ стал своего рода каноном «герлинговедения» 1990-х гг., зиждущегося на автокомментариях Герлинга-Грудзинского к собственному творчеству. Исследуя особенности формы «Дневника...», З. Стефановская видит в нем реализацию классического постулата «единства в многообразии»: «Ритм записей различен: рядом с пространным повествованием – лапидарный отрывок, развернутый портрет и шарж, точная цитата и острая критика через простое изложение содержания, лирическое отступление и краткий выразительный анекдот, и при всей этой перемене способов письма и постоянном отступлении от, казалось бы, намеченной темы – впечатление

¹ Здесь и далее цитаты из «Дневника, писавшегося ночью» приводятся по следующему изданию с указанием номера тома и страницы: *Herling-Grudziński G. Pisma zebrane: W 12 t. Warszawa, 1995–2002.*

² *Мальцев Л. А. Жанровая система творчества Г. Херлинга-Грудзинского: эпические жанры и дневник-хроника: автореф. дис. ... канд. филол. М., 2001. С. 8.*

³ *Bienkowska E. Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Warszawa, 2002. S. 89.*

исключительной последовательности и монолитности»⁴. Представления о «монолитности» замысла базируются не на определенных проблемно-тематических приоритетах «Дневника...», а на моральном и идеологическом ригоризме автора. Авторский образ цельной личности, «стойкого принца» (Т. 4, S. 460) польской литературы сознательно поддерживал в «Дневнике...» сам Герлинг: «Писать так, чтобы суждение было задачей не только ясной и свободной мысли, но и неустанного морально-напряжения, чтобы в слове жил целиком тот, кто высказывает его как свою долго взвешиваемую и выстраданную правду, – это привлекало меня всегда...» (Т. 3, S. 138). Организующим центром «Дневника...» может считаться образ автора, основанный на верности собственным принципам, о чем свидетельствует его личный «декалог» от 4 декабря 1995 г., которым писатель подводит итоги своему многолетнему сотрудничеству с журналом Ежи Гедройца «Культура»: «Полвека, послушный собственному призванию и по стечению обстоятельств, я был политическим публицистом, из чувства гражданской службы, как политический эмигрант» (Т. 10, S. 479–480).

На фоне суждений об этике «стойкости» Герлинга, определяющей поэтику написанных им текстов, выделяется парадоксальное суждение Эвы Беньковской, казалось бы, признающей за автором «Дневника...» свойственную ему психологическую цельность и соответствующую целостность его текстов, но тут же их оспаривающей: «На что ни упадет наш взгляд, какую страницу ни откроет перед нами закон случая, мы всегда схватываем его (автора. – Л. М.) целиком. Схватываем – неудачное слово. Он высвечивается перед нами целиком – ибо его не получается схватить, определить. Его “железная” последовательность наводит на противоречия... Они у него оказываются чем-то таким, чего он осознанно себе не позволяет... А может его, как Гомбровича, следует читать наоборот, наизнанку, наискось; может, его следует читать вопреки ему самому?»⁵

На другой парадокс «монолитности» «Дневника...» обратил внимание В. Болецкий: «Из отдельных томов “Дневника, писавшегося ночью” можно бы скомпоновать несколько разных книг или несколько разных [...] дневников»⁶. Издательским событием, подтвердившим закон-

4 *Stefanowska Z.* Dziennik Herlinga-Grudzińskiego // Herling-Grudziński i krytycy. Antologia tekstów. Lublin, 1991. S. 336.

5 *Bieńkowska E.* Pisarz i los... S. 89.

6 *Bolecki W.* Ciemna miłość. Szkice do portretu Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Kraków, 2005. S. 109.

ность такого предположения, стало появление русскоязычной книги Герлинга «Неаполитанская летопись» (2017), не существующей на языке оригинала, – ее составителем был Мариуш Вильк, а переводчиком Ирина Адельгейм. В предисловии к «Неаполитанской летописи» Вильк пишет о «Дневнике...» как о своеобразном «Лабиринте», в котором необходима фигура читателя-пешехода как «другого я»: «Можно разве что тропу в этом Лабиринте обозначить, собственный ход, как делают спелеологи, чтобы не спутать коридоры, – что не означает, будто узких закоулков непременно следует избегать: они иной раз позволяют увидеть больше, чем широкие проспекты; словом, мне пришлось себя в лабиринт Герлинга вписать»⁷. О сходном художественном явлении, только не с писательской, а литературоведческой точки зрения, пишет И. Е. Адельгейм: «Структура Неаполя (города, открытого подземному миру и общающегося с ним; города-лабиринта; города, стоящего у подножия вулкана) близка нарративной стратегии писателя»⁸. Согласно автору цитируемой статьи, «различные типы нарратива в его (Герлинга-Грудзиньского. – Л. М.) дневнике сплетаются, художественное и документальное, автобиографическое и псевдоавтобиографическое соприкасаются, пересекаются, отзываются эхом», а результатом этого взаимодействия является «создание некоего единого референтного поля, всегда незаконченного и открытого для самого автора»⁹.

Парадоксы формы «Дневника...» и меандры посмертной «судьбы» автора в его диалоге с читателем мы попытаемся объяснить с помощью теории «жанрового блока *silva*», разработанной Стефанией Скварчиньской на материале раннего периода польской письменности и распространенной Рышардом Нычем на литературный процесс XX в. (в том числе на творчество Милоша, Гомбровича и Ружевича). По С. Скварчиньской, категория «силвичности» (от лат. *silva rerum* – «лес вещей» (лат.)) относится к определенному классу произведений, традиционно определяемых как «наброски» (или «черновики»). В нашей соавторской статье с И. Д. Копцевым, содержащей разбор данной концепции, утверждается, что «рядом с классицизирующим стремлением к порядку и дисциплине формируется барочная по духу эстетика *varietas*, заключающаяся в неограниченной множественности

⁷ Вильк М. Лабиринт Герлинга // Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. СПб, 2017. С. 5.

⁸ Адельгейм И. Е. Отсроченная любовь: Неаполь Герлинга-Грудзиньского // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 103.

⁹ Там же. С. 99.

поднимаемых тем и, в связи с этим, ничем не ограниченной авторской свободе перехода от одной темы к другой»¹⁰. Принимая во внимание факт, что термин *silva* не получил распространения в филологических исследованиях, гипотеза С. Скварчиньской о том, что *silva rerum* является «первой в письменности открытой формой, разумеется, еще в состоянии примитивном»¹¹, заслуживает серьезного внимания, и, естественно, наиболее широкую сферу применения этот термин может найти при изучении польской словесности.

В монографии Рышарда Ныча «жанровый блок *silva*» получает развернутое толкование в качестве «типа современной литературной формации»¹², а также «формы внутреннего самопознания литературы»¹³. К введенному С. Скварчиньской понятию «открытости» добавляется свойство фрагментарности: «В поэтике фрагмента, – утверждает Р. Ныч, – сосредоточены конститутивные черты ильвического высказывания»¹⁴. В. Болецкий в рецензии на книгу Ныча лапидарно излагает признаки фрагментарности «ильвы»: «...подверженность семантическим трансформациям, зависимость от контекста, и прежде всего – открытость. Под последним Ныч подразумевает физическую незавершенность высказывания (или его фрагментов), “прогрессивную открытость” – ко всем будущим преобразованиям текста, “регрессивную открытость” (диалогическую) – к текстам, уже существующим (цитаты, аллюзии, комментарии), а также коммуникационную открытость – приглашение читателя к интегрирующему прочтению текста»¹⁵. Итак, фрагментарный текст, будучи, по сути, синонимом текста «открытого», обнаруживает семантический парадокс: это такой текст, определенность которого состоит в неопределенности. Логика фрагмента проявляется не просто в незавершенности, но в выходе на метатекстуальный уровень, на котором текст становится для самого автора некоей тайной: размытость границ текста провоцирует вопрос о том, что есть сам текст: «Что

10 Мальцев Л. А., Концев И. Д. «Дар меткого высказывания в разговорной речи»: об эссеистической «ильвичности» польской прозы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: филология, педагогика, психология. 2025. № 4. С. 71.

11 Skwarczyńska S. Kariera literacka form rodzajowych “silva” // Europejskie związki literatury polskiej. Warszawa, 1969. S. 43.

12 Nycz R. Sylwy współczesne. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź, 1984. S. 6.

13 Ibid. S. 149.

14 Ibid. S. 22.

15 Bolecki W. “Sylwy współczesne”: problem konstrukcji tekstu, Ryszard Nycz: [recenzja] // Pamiętnik Literacki. 1988. № 77 (3). S. 358.

такое мой дневник? [...] Легче сказать, чем он не является. [...] Так что же он такое?» (Т. 6, S. 6). «Фрагментарный стиль мышления»¹⁶ сформировался в эпоху романтизма. Ф. Шлегель образно писал, что «фрагмент, словно маленькое произведение искусства, должен совершенно обособляться от окружающего мира и замыкаться в себе, подобно ежу»¹⁷. Этот парадокс «замкнутой открытости» («парадокс ежа») проявляется у Герлинга-Грудзиньского через особый способ авторского присутствия в тексте, который можно назвать «приемом улитки»: «Это парадоксально, но хороший дневник, который, по меньшей мере, стоит прочитать, – это тот, в котором писатель время от времени высовывает рожки из раковины. И тут же их прячет. Если же он вылезет весь, то станет полностью беззащитным, зависимым от чужого суждения» (Т. 4, S. 96–97).

Энигматичность фрагмента вступает в комплементарные отношения с «ночной» символикой, традиционной для романтиков, что, в свою очередь, соответствует названию «Дневника, писавшегося ночью». Несмотря на то, что в интервью Э. Савицкой автор дает ему чисто деловое и наиболее очевидное толкование («Я пишу “Дневник” ночью, т. е. набрасываю его начерно, а утром следующего дня принимаюсь за шлифовку»¹⁸), название «Дневника...» содержит в себе эмбрион «сильвичности», отсылающий, правда, не к мышлению романтиков, а к позднеантичной традиции. Об особом подвиде «жанрового блока *silva*» под названием «*lucubrationes*», представленном Плинием Старшим и Авлом Геллием, пишет С. Скварчиньская как «о типе произведений, возникших за счет бессонных ночей, при свете лампы», о своеобразных «“эксерта” из чужих произведений, “выписках”»¹⁹. Далекая литературно-типологическая аналогия «Дневника, писавшегося ночью» Герлинга-Грудзиньского с «Аттическими ночами» Авла Геллия²⁰ базируется не на индивидуальной склонности авторов к импровизационности изложения (наоборот, в анализируемом нами тексте видна тенденция к упорядочиванию записей), а на осознании того, что неотъемлемым свойством «портрета эпохи» (Т. 6, S. 7) – индикатором кризисного исторического времени – становится энтропия: автор пытается нащупать рациональные закономерности истории, но приходит к неизбежному

16 См.: Грешных В. И. Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления. Л., 1991.

17 Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика. В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 300.

18 Sawicka E. Widok z wieży. Rozmowy z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim. Warszawa, 1997. S. 136.

19 Skwarczyńska S. Kariera literacka... S. 55.

20 Мальцев Л. А., Коцев И. Д. «Дар меткого высказывания...» С. 77.

выводу, что «спущенная с цепи» (Т. 4, S. 368) история неустанно опровергает любые закономерности. Добросовестное фиксирование событий в рамках исторической хроники приводит к неизбежной хаотизации дневниковых записей, и автор словно пытается «удержать на поводке» историю за счет таких, например, приемов, как риторический призыв к «дневничку»: «Помедленнее, помедленнее, мой дневничок, нельзя спешить, не следует упреждать ход событий» (Т. 5, S. 268). Таким образом, буквальное толкование названия «ночного» дневника (*дневник*, пишущийся *в ночное время суток*) совмещается с фигуральным (*дневник «ночной» эпохи*, смысл которой, если воспользоваться определением Н. А. Бердяева, «состоит в обнажении бездны бытия, в стоянии лицом к лицу перед первоосновой жизни, в раскрытии наследья рокового») ²¹ [выделение курсивом наше. – Л. М.).

Фрагментарность («сильвичность») «Дневника...» заключается в том, что, будучи стилистически упорядоченным и информативно «плотным» текстом, «Дневник...» Грудзиньского не имеет определенных границ, и в этом отношении даже с большим правом может быть назван фрагментом, чем «Дневник» Гомбровича, у которого, по крайней мере, есть начало в виде «программирующего» дневниковый текст четырехкратного «Я». У Грудзиньского первая дневниковая запись от 1 марта 1971 г. представляет собой сплав исторического эссе и публицистической хроники, погружая читателя сразу, без предисловий, «в гущу» событий: «Несколько дней тому назад я прочитал в какой-то газете, что польский рабочий бунт на Выбжеже можно поставить рядом с Кронштадтом» (Т. 3, S. 41) ²². Эта запись является косвенным доводом в пользу цикличности исторического времени и теории «коинциденций» как «таинственного узора человеческого бытия и судьбы» (Т. 5, S. 257), выведенной товарищем Герлинга по эмиграции Константы Александром Еленьским. Однако дальнейшая фактография историко-политической хроники «Дневника...» демонстрирует скорее случайность, чем закономерность «кругов», описываемых историей, и этим мотивируется у Герлинга ввод метафоры истории, «спущенной с цепи», заимствованной у Ежи Стемповского: «Теперь сорвавшаяся с цепи история приседает, запыхавшись; Фукуяма убежден, что подышает, через минуту сдохнет. Нет, нет. Скоро встанет на ноги, чтобы кружить, кружить, кружить» (Т. 7, S. 184).

²¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. М., 2002. С. 224.

²² Имеются в виду следующие события: Кронштадтский мартовский мятеж 1921 г. и декабрьские выступления рабочих на судовой верфи г. Гданьска в 1970 г.

Последняя дневниковая запись датируется 13-м марта 2000 г. и относится не к историографическому и историософскому, а к литературно-критическому и мемуарно-некрологическому «сектору» «Дневника...». Грудзинский вспоминает о своем покойном американском приятеле, некоем Рональде Штроте, переведившем его рассказы на английский язык. Цепочка ассоциаций ведет от Штрота к итальянскому поэту XIX в. Джоакино Белли, которым, как сообщает Герлинг, восхищался Гоголь, проведший более четырех лет жизни в Риме. Завершение этого некролога об умершем приятеле, а вместе с тем и всего «Дневника...», которому автор отдал 29 лет своего творчества, выглядит парадоксальным и даже абсурдным: «Наша римская прогулка [...] вела от памятника римского поэта в скверике за Тибром до дома на Виа Систина, украшенного русской табличкой, [напоминающей,] что тут Гоголь писал четыре года свой шедевр («Мертвые души» – Л. М.). Уже долго гоголевская квартирка в Риме является борделем» (Т. 12, S. 408). Скорее всего, последний факт «Дневника, писавшегося ночью» является ошибочным, и пожилого писателя подвела память. Таким образом, если начальная запись 1971 г. открывает большую историко-политическую хронику, полную «круговоротов», то последняя – это частное воспоминание об одной из прогулок по Риму, заводящее читателя в фактографический «тупик». Даже как мелкий факт, а не как последний штрих монументальной хроники, этот пример не может свидетельствовать о «монолитности» структуры «Дневника, писавшегося ночью». Наоборот, он является симптомом «сильвизации» дневниковой прозы, провоцируя со стороны читателя вопрос: так что же такое нами было прочитано – что такое «Дневник, писавшийся ночью»?

Известно, что «Дневник, писавшийся ночью» как форма литературной коммуникации с читательской общественностью «вырастает» из личных дневников Герлинга, начало которым было положено не позже 1942 г. (сразу после выхода из советского лагеря, о чем свидетельствует «Иной мир»). В 1952 г. Герлинг опубликовал дневник путешествия в Бирму, а после смерти своей первой жены Кристины Доманьской и заключения брака с Лидией Герлинг-Кроче, в 1957–1958 гг. вел частный дневник, посмертно опубликованный в 2019 г. – в год столетия писателя. «Дневник 1957–1958» совмещает в себе особенности частного («секретного») дневника и литературного (предназначенного для публикации) дневника-«журнала». Из него читатель узнает, что генезис дневниково-«сильвической» формы, объединяющей документальную хронику и рассказы, из которой вырос «Дневник, писавшийся ночью», связан с неудавшейся попыткой Герлинга-Грудзинского написать автобиографический роман «Чемны Став» («Ciemny Staw»),

некоторые фрагменты которого Герлинг приводит в «Дневнике 1957–1958». Как известно, после этого писатель никогда не возобновлял попыток написания романа, не делая, впрочем, из этого фаталистических историко-литературных обобщений о «конце романа» как жанра. В 1958 г. Герлинг-Грудзинский оставляет попытки создания романа и начинает писать рассказ «Башня» («Wieża»), который поглощает писателя полностью. В духе Кафки, исповедующегося Фелиции Бауэр в писательской склонности к затворническому образу жизни (см. об этом: Т. 5, S. 213), Герлинг-Грудзинский поверяет дневнику следующие мысли: «Книгу можно хорошо написать, абсолютно не занимаясь ничем иным. Если бы это было возможно – не думая ни о делах и обязанностях и даже ни о семье и о себе. В хорошо работающем писателе, который “попал в тон”, есть что-то нечеловеческое»²³. Исповедальные признания «Дневника...»: «Боже, убей во мне амбицию и сделай так, чтобы я мог писать с мыслью, что никто этого не будет читать!»²⁴ – реконструируют образ автора-«мизантропа», отчасти напоминающего автобиографического героя-нарратора «Иного мира» и обоих героев рассказа «Башня» (прокаженного Пьера Бернара Гуаско и анонимного учителя из Турина). Позже, уже в «Дневнике, писавшемся ночью», мысли о полном уединении уступят место противоположным «амбициям» – долговому и настойчивому пути Герлинга-Грудзинского к своему читателю.

Дневниковый предтекст 1957–1958 гг. отчасти содержит в себе ответ на вопрос о сущности «Дневника, писавшегося ночью». Именно в этом «секретном» дневнике апробируется прием включения в документальный дневниковый текст фиктивных фрагментов. И хотя в «Дневник 1957–1958» не вошел рассказ «Башня», ставший для малой «итальянской» прозы Герлинга чем-то вроде эталона, по всей вероятности, именно в этот период у Герлинга возникла идея «странного, на первый взгляд, симбиоза» (Т. 6, S. 7) рассказов и дневника, включения рассказов в дневник способом не «случайным и механическим», а «естественным и органическим» (Т. 10, S. 5).

Источники и литература

Адельгейм И. Е. Отсроченная любовь: Неаполь Герлинга-Грудзинского // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 91–113. DOI: 10.31168/2619-0877.2025.8.4

Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. М.: Канон+, 2002. 446 с.

23 *Herling-Grudziński G.* Dziennik 1957–1958. Kraków, 2018. S. 259.

24 *Ibid.* S. 213–215.

Вильк М. Лабиринт Герлинга // Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. С. 5–60.

Грешных В. И. Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 140 с.

Мальцев Л. А. Жанровая система творчества Г. Херлинга-Грудзиньского: эпические жанры и дневник-хроника: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 20 с.

Мальцев Л. А., Концев И. Д. «Дар меткого высказывания в разговорной речи»: об эссеистической «сильвичности» польской прозы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: филология, педагогика, психология. 2025. № 4. С. 68–79. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-7

Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика. В 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.

Bieńkowska E. Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2002. 176 s.

Bolecki W. Ciemna miłość. Szkice do portretu Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 288 s.

Bolecki W. “Sylwy współczesne”: problem konstrukcji tekstu, Ryszard Nycz: [recenzja] // Pamiętnik Literacki. 1988. № 77 (3). S. 356–371.

Herling-Grudziński G. Dziennik 1957–1958. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018. 364 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1971–1972. Warszawa: Czytelnik, 1995. T. 3. 272 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1973–1979. Warszawa: Czytelnik, 1995. T. 4. 484 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1980–1983. Warszawa: Czytelnik, 1996. T. 5. 412 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1984–1988. Warszawa: Czytelnik, 1996. T. 6. 516 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1984–1988. Warszawa: Czytelnik, 1997. T. 7. 496 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Biała noc miłości. Opowiadania. Warszawa: Czytelnik, 2002. T. 12. 420 s.

Nycz R. Sylwy współczesne. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź: Osolineum, 1984. 154 s.

Sawicka E. Widok z wieży. Rozmowy z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim. Warszawa: Most, 1997. 136 s.

Skwarczyńska S. Kariera literacka form rodzajowych “silva” // Europejskie związki literatury polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969. S. 37–75.

Stefanowska Z. Dziennik Herlinga-Grudzińskiego // Herling-Grudziński i krytycy. Antologia tekstów. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1991. S. 330–336.

References

- Adel'geim, I. Ye. "Otsrochennaia liubov': Neapol' Gustava Gerlinga-Grudzin'skogo." *Central-European Studies*, 2025, no 8, pp. 91–114. DOI: 10.31168/2619-0877.2025.8.4
- Berdyayev, N. A. *Smysl istorii. Novoe Srednevekov'e*. Moscow: Kanon+, 2002, 446 p.
- Bieńkowska, E. *Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego*. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2002, 176 p.
- Bolecki, W. *Ciemna miłość. Szkice do portretu Gustawa Herlinga-Grudzińskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005, 288 p.
- Bolecki, W. "«Sylwy współczesne»: problem konstrukcji tekstu, Ryszard Nycz: [recenzja]." *Pamiętnik Literacki*, 1988, no 77 (3), pp. 356–371.
- Greshnykh, V. I. *Rannii nemetskii romantizm: fragmentarnyi stil' myshleniia*. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1991, 140 p.
- Herling-Grudziński, G. *Dziennik 1957–1958*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018, 364 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1971–1972*. Warszawa: Czytelnik, 1995, vol. 3, 272 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1973–1979*. Warszawa: Czytelnik, 1995, vol. 4, 484 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1980–1983*. Warszawa: Czytelnik, 1996, vol. 5, 412 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1984–1988*. Warszawa: Czytelnik, 1996, vol. 6, 516 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1984–1988*. Warszawa: Czytelnik, 1997, vol. 7, 496 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Biała noc miłości. Opowiadania*. Warszawa: Czytelnik, 2002, vol. 12, 420 p.
- Mal'tsev, L. A. *Zhanrovaia sistema tvorchestva G. Herlinga-Grudzin'skogo: epicheskie zhanry i dnevniki-khronika: avtoref. dis. ... kand. filol.* Moscow, 2001, 20 p.
- Mal'tsev, L. M., Koptsev, I. D. "«Dar metkogo vyskazyvaniia v razgovornoj rechi»: ob esseisticheskoi «sil'vichnosti» pol'skoi prozy." *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serii: filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2025, no 4, pp. 68–79. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-7
- Nycz, R. *Sylwy współczesne*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź: Ossolineum, 1984, 154 p.
- Sawicka, E. *Widok z wieży. Rozmowy z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim*. Warszawa: Most, 1997, 136 p.
- Schlegel, F. *Eстетика, философия, Критика*. Moscow: Iskusstvo, 1983, vols. 1–2.
- Skwarczyńska, S. "Kariera literacka form rodzajowych *silva*." *Europejskie związki literatury polskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969, pp. 37–75.
- Stefanowska, Z. "Dziennik Herlinga-Grudzińskiego." *Herling-Grudziński i krytycy. Antologia tekstów*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1991, pp. 330–336.
- Wilk, M. "Labirint Gerlinga." *Gerling-Grudzin'skij, G., Neapolitanskaia letopis'*. St Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2017, pp. 5–60.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.20

L. A. Maltsev

**The Poetics of the “Silvic” and the Image of the Author
in Gustaw Herling-Grudziński’s *Journal Written at Night***

Leonid A. Maltsev

Doctor of Letters, professor

Immanuel Kant Federal Baltic University

236041, Alexander Nevsky Street 14, Kaliningrad, Russian Federation

E-mail: LMaltsev@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-9137-0004

Citation

Maltsev L. A. The Poetics of the “Silvic” and the Image of the Author in Gustaw Herling-Grudziński’s *Journal Written at Night* // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 363–374 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.20

Received: 19.01.2025.

Revised: 15.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The present article analyzes the structural features of Gustaw Herling-Grudziński’s *Journal Written at Night*, centered on the complex and contradictory image of the author. The researcher examines the unique composition of the text through the lens of the *silva rerum* theory developed by Marta Skwarczyńska and Ryszard Nycz. It is shown that the “silvic” poetics of the *Journal* is closely linked to its fragmentary nature, manifesting not only in the blurring of generic boundaries but also in its metatextuality. Reflecting on the history of the diary genre, Herling-Grudziński seeks to define the essence of his own work. The “integral formula” he derived — a “portrait of an era” containing a “miniature self-portrait of the author and chronicler” — does not fully encompass the silvic diversity of *Journal Written at Night*. It is argued that the work’s “pre-text” is the *Diary 1957–1958*, which reveals the genesis of Herling-Grudziński’s generic thinking. The *Diary 1957–1958* bears witness to the author’s difficulties while working on the novel *Ciemny Staw* and the subsequent transformation of his diary’s formula: instead of a “confessional diary” serving as a creative laboratory for a novel, the writer creates a “chronicle-diary” that synthesizes the diary form with his “Italian” stories.

Keywords

Herling-Grudziński, author, silva rerum, fragment, “A Diary Written at Night”, “Diary 1957–1958”.